

Ю.К. Епифанов

Годы

и

строки

Грибы

и

рыбалка

Тропы

и

ружье

К1378964

г. Бабаево
2001 г.

*Светлой памяти матери моей
Александры Григорьевны Толубицкой,
профессионального лесовода,
пристально честной и высоко нравственной
женщины, с великой благодарностью
и любовью посвящая
Автор*

*«Трудные
и с т о р и и»,
«Охотничьи за-
рисовки», «Ры-
бачьи байки»
начались не
вдруг и не сразу,
корни их заложены
в далеком*

*детстве. Первые шаги по зеленой траве, первое посещение леса,
первый сенокос и первый увиденный гриб, бабочка, порхающая
над лугом, стрекот невидимого кузнечика, поднебесное бляк-
ние загадочной птицы, запах свежескошенной травы, первая
рыбка, первый выход на охоту, первый трофей...*

*Все это ярко и прочно запечатлела память и душа. Все
это требовало выхода, рвалось оттуда, все это нашло отра-
жение на бумаге. 1991 год - первые публикации в районной га-
зете «Ленинский путь», советы А.В. Петухова, И.К. Бод-
рова и В.П. Кононова продолжать писать, за что автор кни-
ги и.м. очень благодарен, несколько публикаций в «Красном Се-*

верс», «Русском Севере», газете «Президент» и, как и того, небольшая, незатейливая книжечка, где отразились и годы и строки, и тропы и ружье, и грибы и рыбалка. Это и память о многих друзьях-товарищах, с которыми пришлось делить дым и огонь костра, удачи и промахи, радости и огорчения. Это и огромная благодарность всему коллективу «Редакционно-издательского комплекса «Наша жизнь», без которого мои труды не воплотились бы в данную книгу.

Часть I.
**«Грибные истории
дедки Гриши»**

“Грибные истории дедки Гриши” были написаны в период с 1991 по 1999 годы. “Дедко Гриша” - образ собирательный. Григорий Кириллович - мой дед по матери, которая, будучи профессиональным лесоводом, и привила мне интерес к грибной охоте. С большой благодарностью вспоминаю также грибные выходы в лес с Н.И. Журавлевым, соседом по улице, с друзьями детства - Леной и Витей Семеновыми, Юрой Махиным, Толей Теричевым, Юрой Чистяковым, Колей Бабкиным и с нашей старшей наставницей в грибных делах - А.П. Бабиной, в детстве - Голубцовой.

Родился я на Дальнем Востоке, но с пеленок рос и воспитывался в с. Борисово, в его, так сказать, Варнакушском приделе. Начинать осваивать грибные места с местечка “Бродки”, что расположено в полутора километрах к востоку от Борисова. К моменту получения аттестата зрелости в Борисовской средней школе хаживал за грибами до урочища Федосово, тоже к востоку от Борисова в десяти, примерно, километрах.

Любимое место сбора грибов в последнее время - “Ельник”, что находится возле дороги Борисово-Новое Лукино, невдалеке от д. Мятино. Личный рекорд по сбору белых грибов - 241 штука за один выход, но надо сказать, что год был весьма на грибы урожайный.

В начале 80-х отменные бабаевские белянькие боровички, собранные “сотоварищи”, возможно, украшали стол самых высоких партийных работников страны. Но об этом грибная история пока не написана.

“Грибные истории дедки Гриши”

Отморосил летний дождик, неожиданно затянувшийся на несколько дней. Разорвало, наконец-то, сплошную серую пелену, низко нависшую над землей, и солнечные зайчики заиграли по траве, деревьям, весело отражаясь от водной глади речушки, задорно петляющей за деревенской околицей.

Щемлящая грусть сразу же уступила место желанию пойти скорее в лес - наверное, грибки уже выставили свои разноцветные шляпки из-под листьев, мшин да игольчатой подстилки, упруго пружинящей под ногой грибного охотника.

После удачной «грибной охоты»
с женой и внуком, с. Борисово

И вот, наконец собравшись, неспешно иду лесной тропинкой. До заветных мест, что показал мне когда-то дедко Гриша, километров пятюк с гаком. И невольно вспоминаются грибные истории, что рассказывал дед при наших совместных выходах на грибную охоту. Так он, заядлый ружейный охотник, рыбак и

грибник, неизменно называл вылазки за грибами. Некоторые из них я вам и перескажу, как сумею. Сам же дедко Гриша был мастер рассказывать, обязательно с шуткой-прибауткой. Впрочем, слушайте, вернее, читайте. Может быть, кому-то и пригодится дедкова наука.

История первая - Митькины вешкари

Есть такой гриб - подосиновик называется, у нас их еще вешкарями величают. Шляпка красновато-коричневая всех оттенков, начиная от светловатого до буро-темного. У молодых грибов (мы их, слышько, в детстве "чиликами" называли) она - шляпка - загубистая, плотно прилегающая к ножке. На вид все они крепенькие, такие бодрячки, а разрежешь - у каждого, почитай, третьего, особливо у старых, корешки гниловатые. У них еще одна приметина есть - разрез сразу же синее, ну словно отщеп у осины. Скорее всего, потому их и прозывают подосиновиками. А вот находил я их по нашим местам чаще всего в березняке, а не в осиннике. А может быть, и от шляпки название пошло - такая же красная, как осиновый лист, слетевший с дерева осенней порой. По нашим же местам подосиновики до сих пор, бывает, вешкарями кличут. Наверное, потому как он своей приметной головой, словно вешка, издали виден. Однако, это уж мое предположение. А история с вешкарями у меня в мои мальчишеские годы такая приключилась. Слушай.

Грибов мы набрали, поверь-ко, не совру - с верхом. Пришлось даже ветками прижать, чтобы из корзинки не вываливались. Только вот у Митьки Мохова до полной - дранки не хватило. Пошли, значит, домой. А обратная дорога, известно дело, с устатку-то длинней кажется. Сделали привальчик - перекусить, кто чем за-пасса, друг с другом поделились - это уж обязательно. Иных в нашей компании не водилось. Ну, а насчет подшутить - тут уж не зе-вай, смотри в оба.

Вот, значит, Митька-то и отошел по надобности в кусты. Мы тем временем, слышь-ко, ему в корзину под ветки и напихали молодых мухоморов, у которых на шляпках белых пятнышек почти не было. Благо мухоморов этих вокруг было - пруд-пруди. Вернулся он - ничего не заметил. Отдохнули малость, пошутковали, пошли дальше.

На следующий день ранешенько Митькина матка к нам заско-чила. Она спокойно ходить не умела, все в припрыжку. Сквозь сон слышу затренила: "Мой-то, мой-то постреленок вчерась ведь чё учу-дил - мухоморов с лесу приволок. Я ему: "Чёй это ты, в грибах путать-ся начал». А он - это я, мол, специально, мух больно много развелось, потравить надобно".

Ишь-ты, думаю, молодец! Выкрутился. Нам он, слышко, ведь и виду не подал, что попался на розыгрыш. Только мухоморы мы с той поры долго еще Митькиными вешкарями звали. Митька, правду ска-зать, не обижался на это. Бывало, сам увидит, что их много растет, пошуткует: "Смотрите, сколь моих-то вешкарей уродилось. Однако, ничего, гриб тоже в хозяйстве полезный. Не зря ведь мухоморами про-звали".

Правда, по теперешним временам от мух другими способами освобождаются. А зря, однако. Это народное средство тоже весьма действенно. Да и сложности в подготовке большой нет. Всего-то делов: нарезать, положить в блюдце, залить кипятком да посыпать песочком сахарным. Мухи-то от сладкого сиропчику сами не свои - накушаются и перемрут. Мухоморы найти не проблема, песочку теперь тоже кругом навалом. Были бы деньги.

Вот такая, паря, история у нас с мухоморами - Митькиными вешкарями - когда-то была. Давно, однако. А я тебе в другой раз, пой-дем за грибами, еще кое-чего расскажу. Ну вот за разговором-то мы и домой ходче пришли.

История вторая - про короля грибов

У всякого гриба, ребяташки, свои ухватки-прятки имеются. Кто их постигнет, тот без добычи из лесу не уйдет. Взять, к приме-ру, грибного короля - белый гриб. Бывает он в наших краях боровой,

а есть и лединный. Боровые, они поядренее будут, покрепче да пофорсистее. Шляпка такая темно-коричневая с проблеском, гордо над мхом, бывает, выставляется. Лединные, те побледнее, свою статью особо не выказывают. И от человеческого погляда прячутся очень даже хитро. То под низкой ветвистой еловой лапой пристроятся: близехонько, бывало-ча, не один раз пройдешь, ан не увидишь. А догадаешься поднять ее, ветку-то, тут они тебе и откроются - веселой бодрой стайкой. Мол, что ж, твоя взяла, коли усмотрел, не грех и в корзине твоей быть.

Иные, слышь-ко, прижмутся к стволу еловому. С другой стороны и не увидишь, пока вокруг дерева-то не обойдешь, бывало-ча и не один раз. Другие любят в ломье прятаться, под стволами павших деревьев. Попробуй, усмотри. А то еще, бывает, выставят краешек шляпки из-под плотной игольчато-еловой подстилки - блестит желтое пятнышко - ну, листик березовый слетел на землю и лежит себе. А ты подойди поближе-то, подойди, не ленись. Ну что? Листик? Нет, брат, шалишь, это "беляк" лезет из-под мха или опавшей хвои на бел свет. Опять же твой, значит, это гриб.

Вот оно, ребяташки, как дело-то делается. Да брать гриб-от не торопись. Этот уж не уйдет от тебя. Прежде внимательно огляди все округ. Непременно еще должен быть. Ага - вот он - бугорок подозрительный. Ладошкой его так легохонько потрогай - коли гриб там - сразу почувешь. А без надобности-то мох да подстилку не вороши. Грибы этого не любят. Зореное место они, вишь-ты, бросают.

Не любит гриб, коли его и ножом режут. Это уж потом, когда его вывернул, обчистить - пожалуйста. Чтоб лишний мусор, значит, домой не нести. А срезать - ни-ни... Загниет грибница-то. Гриб даже не срывать, а выкручивать надобно, с легким таким усилием. Нащупал пальцем указательным основание ножки и... р-р-раз! Винтообразно так, двумя перстами и вывернул. Полюбовался им, почистил - и в корзину. Все равно, что отломил от корневища. Не зря ведь раньше-то говаривали: "Ну как, соседушка, наломал грибок-то нонче?"

Ну и напоследок дорожки нашей еще один совет: замечай, где грибки-то попались. Замечай местечко. То ли ямина какая рядом, то ли камень приметный, а может быть, дерево поваленное или еще какое на вид особенное. Запомнишь приметки - пригодятся на другой раз. На другой раз непременно походи возле них, приметин-то, тихохонько, да оглядывай все внимательно. Белые не только дружно растут, а и свои места не бросают, если знамо-дело, их не зорят, не ворошат, да не режут.

Такие вот они хитрости грибные - не хитрые. Да чаще лес

проведывайте - все непременно их и прознаете. Да ходите при этом неспешно. Тогда уж без грибов домой не вернетесь. А беленькие - ух, как хороши, духовиты, что в маринаде, что на сковороде, что сухие для супчика, особенно зимним холодным днем. Про грибную подливку из "беляшей" под картофельные котлетки и говорить лишнего не надо... Так-то, вот, ребятушки. Глянь-ко, за разговором-то мы и опять дома.

История третья - про рыжик рыжий

А вот, послушай-ка, еще про один гриб расскажу. Рыжик называется. Наверное, по цвету шляпки медно-рыжеватой название получил. Между прочим, в засоле нет ему гриба равного. Не знаю, кто как, а я их солю без всяких там специев: соли горсть на таз рыжиков - и всего делов. Но держать их, знамо дело, под гнетом надобно, чтобы все в рассоле были. Рассол-от они сами в нужности дадут. Ну и в холодке лучше хранить, в погребе, на холодной земле. К слову сказать, рыжик - единственный гриб, который посоли малость и ешь смело, тут же в лесу, коли перекусить захотелось. А ежели с горбушкой хлеба, то и совсем объединение. Жаль только уж очень он быстро червеет. Не успел вырасти - глядь - весь червяками изъеден, звать, хорош на вкус. Правду сказать, боровые - они покрепче, позагубистей будут, лединные - те послабже, ломчее, при засолке - крошливее.

А уж соленькие они, родимые, да ежели к тому же махонькие, да с лучком, да со сметанкой, да в тарелочке на столе, да с чарочкой - с устатку, по махонькой, вмеру, считаю, не возбранимо - тут уж и слов более нет. Хороши они - рыжики - и в маринаде, вместе с белыми грибами. При этом они друг дружке, прямо надо сказать, особый вкус придают. Словами-то и не выскажешь.

Ну вот, слушай-ко дальше. Помнишь, сказывал, что на все навук нужен. Есть, к примеру, у меня на примете местечко. Елки там растут не сплошняком, а то кучкой, то поодаль друг от дружки. Иной пройдет мимо елочек-то и не заметит ничего. А я каждую со всех сторон обойду, веточки подниму - без добычи и не бываю. Оно, конечно, раз на раз не приходится, когда пусто, а когда и... Не-е-е, брат, шалишь, у меня пусто не бывает. Тут, вишь ли, и время еще звать надо, когда за каким грибом идти. Сморчок, к примеру сказать, осенью не найдешь. Так и рыжик - коли хочешь ядерных набрать, иди за ними раненько, утречком, чтобы еще и роса августовская не успела обсохнуть, по холодку, до солнышка - с солениной и будешь. Да запомни мой совет: как утрами холодать начнет, тут уж не зевай. От силы недели у тебя в запасе - когда рыжик-то густо пойдет. Оно, конечно, по

малости грибков тоже можно набрать. Горсточка к горсточке – глядишь, и кадушечка целая. Но я, однако, люблю разом - пришел, набрал, ну и знаю - на зиму запасаю. Хотя мне-то уж много не надо, для внучат больше стараюсь. Любят они, пострелята, рыжики-то с горячей картошкой, очень даже любят. Жаль живут далеконько, редко меня, старого, проведывают...

Однако, опять за разговором время скоротали, вон уж и дома наши видны. Ну дак что? Будить тебя завтра ай нет? Ну и ладно, сходим еще раз по грибочки. Лишний запас карман не оттянет, а зимой как найдется. До завтрава, коли так.

История четвертая - вообще про грибы, а в частности, про грузди белые

Что ни говори, а все мы от Природы-матушки зависим. Все под ней ходим. Взять, к примеру, те же грибы, по которым мы с тобой пошли. Год на них урожайный - в корзинку только белые, грузди да рыжики, а то, бывает, - ни один мало-мальский съедобный гриб лу-кошка не минует.

Уж как мы ее - Природу - ни кореем, ни ломаем, как над ней не изгаляемся, а она все равно свое возьмет. Ошибки, правду сказать, однако, нам не прощает. Да и поделом - не суйся, куда еще не положено. А уж ежели случилось такое, так действуй с разумением, без насюка, с головой, как говорится.

Ну да ладно, отвлекся я что-то, речь-то ведь о грибах завели. Помню, однажды, год особенно грибной был. Это, кто не запомятовал, после страшного лета, когда крепко в лесах да болотах горело. Трактора даже в выгоревшие пустоты на торфяниках проваливались. Дак тогда осенью столько грибов было, что даже бабы судачили промеж собой - не иначе к морю или войне быть. Однако, Бог миловал, ничего такого не было, а грибов уродилось прорва, хоть, как говорят, косою коси. Иные не на одну зиму запаслись. Я тоже, что греха таить, наломал беленьких да груздочков. А че было не ломать, коли куда не плюнь - гриб стоит, веришь - нет.

Дак вот, слышь-ко, кто не видел - не поверит, зашел я тогда в одну лединку, хоть противогаз одевай - сплошь одни гнилые грибы, да все белые. Место-то было дальнее и не всем ведомое. А я, как на грех, прихворнул маленько, ну и наведалься туда уже с большим опозданием. Всеж-таки набрал корзинку более-менее хороших, на сушенину, во всяком случае, гожих. Такой запас карман не оттянет. Родни да знакомых по городам да весям полным-полно, каждому по мало-

сти - весь запас и вышел, самому только-только на зиму.

Ладно, значит, набрал корзинку, домой пора. Присел перед дорогой перекусить возле ельничка. Яичко обчистил, скорлупу решил бросить под елочки - пусть птицы Божьи питаются. А они, вишь ли, елочки-то, сплошняком стояли, что ни пройти их, ни проехать. Наклонился это я и обомлел: батюшки-светы, мать моя старушка! Под елками-то, значит, белый ковер - грузди. Один к одному, все, как на подбор, шляпка к шляпке стоят. Высыпал я белые из корзинки и давай грузди окладывать. Корзину... Рюкзачок... Его я всегда с собой беру - мало ли что, запас не помешает, места не занимает, а пригодиться может. И все ползком, ползком - елочки-то махонькие, густые, ветки только-только по-над землей. Вот уж не думал, что солдатскую науку применять придется. Грибная "война" - да и только.

Еле до дому доволоч. Иду и ругаю себя: "Ну, старый хрыч, от жадности ведь падешь и не встанешь". А все одно бросать жалко. Посижу-отдохну да дальше почапаю. Так и дошел, в сумерках уже, почитай.

Зато ужжимой... Приедут, помню, внучата, давай донимать: "Ну-ка, дедушка, расскажи еще раз, как ты с грибами на пузе "воевал". "Ешьте, - говорю, - груздочки-то с горячей картошкой, ешьте. Что, небось, вкусно? То-то же! Летом я вас самих заставлю на пузе ползать. Пора вам уже мои заветные грибные места самим осваивать. Как не крутись, а не век же вашему деду жить, мне их мой дед завещал, вот и я их вам оставляю".

Глянь-ко, а мы ведь опять с разговором-то до дѐму ходче дошли. Поди не удержишься, скоро снова за грибами-то побежишь, заходи, вместе веселей не только идти, а и грибки собирать, а я тебе, слышь-ко, еще какое-нито место укажу да и новую грибную историю расскажу. Заходи...

История пятая – сморчковая

Оно, конечно, что и говорить, белые да груздочки, рыжики да волнушки - грибы по нашим краям первостатейные. Но есть и еще один гриб, который у меня вызывает тоже особое уважение. Слушай, расскажу, как я за ним лонись хаживал.

Время - конец мая, дел на огороде невпроворот, а в лес уже тянет. Не удержался, однако, решил сбегать в заветное место, где каждую, почитай, весну сморчки густо растут. Пока то, да се, огородные дела - пришел на место чуть ли не к закату солнца. Небо уже по-майски чистое, солнечные лучи перемежаются с длинными тенями от деревьев, скользят по старой заброшенной делянке: по пням, полусгнившим сучьям, сосновым шишкам, обильно разбросанным по земле, из которой уже вовсю пробиваются к свету нежно-зеленые побеги свежей травы.

Верить - нет, так и хочется раствориться со всей этой красотой.

Однако, что-то не видно, слушай, грибов-сморчков, темно-коричневых кубарей. О позапрошлый год их здесь было полным-полно. Сам наелся и друзей угостил. Хотя нет, кажется, вон там стоит ядерный кубарь. Чем и ценны, слышь, сморчки – всегда, почитай, здоровые, для жарехи пригодные. А и точно - он, первовесенный дар земной. В корзинку его. А это что? Э-э-э... Да это шишка сосновая, вывернулась, родимая, вся чешуйками, все равно, как гриб, стоит.

Так вот и ходил неспеша по делянке. Корзинка, хоть и не полная, но уже и не пустая, наполовиненная. Полну-то, прошлогод не удалось набрать, да и на том землеце спасибо. Я ее, родимую, всегда не забываю поблагодарить. А как же иначе, предками завещано, не нами придумано.

А еще, слышь-ко, не забудь, сморчок для приготовления - гриб особый. Им ведь и отравиться недолго. Потому - в первую очередь отварить его как следует, можно один раз, но не помешает и вдругоряд. Потом уж на сковородку, да на постном масле с лучком, веришь-нет, от жарехи не оторвать будет. Настолько вкусны. Наверное, после долгой зимы потому как. Первый весенний гриб он завсегда вкусный. Это уж потом вылезут по-первости колосовики - как озимая рожь колоситься начнет, вслед за ними и настоящий грибной слой пойдет, уже не только для супчика да жарехи, а и для зимнего припаса грибов хватит. Такая вот она, грибная наука - нехитрая тому, кто в лес часто ходит. Это все равно, что книга: не ленись только почаще перелистывать, в лес похаживать. Однако, и к дедам-старичкам тоже повнимательней прислушивайся, дедко Гриша худому не научит. Сам от дедов-прадедов науку эту перенимал, того же и внукам-правнукам желаю.

История последняя - про гриб-соленину, особенно про черные грузди

Гриб, паря, чем он хорош? Это, можно сказать, для крестьянина второе мясо. По старопрежним-то временам в году было четыре поста, не считая постных дней по средам и пятницам. Хошь не хошь, полгода надо прожить без скороми. А грибов набрал - тут и летом постящемся облегчение, да и зимний – Филиппов, Великий по весне, проще перенести. Да и вообще грибы для меня, к примеру, пища во всех видах весьма привлекательная. Летом да осенью не поленишься, дак зимой с сушеной и солениной будешь.

Сегодня, к примеру, я тебе место укажу, где черные грузди о каждый год - ногой не ступи - растут. Знамо дело, белые груздочки с

отменной засолкой - зимой одно объединение вкупе с картошечкой, что вареной, что жареной, тушеной или там в котлетах и прочее. К слову сказать, и волнушки обычные - тоже для засола первостатейный гриб. Но мне, веришь-нет, черные грузди и для еды хороши, и, главное, для сбора посылны. Растут недалечко, вдругораз я за день-то два разка обернусь с корзинками туда-сюда. Глядишь, за пару деньков пару ведерок и засолено. А ведерка три-четыре мне со сродниками хватит на зиму-то.

Некоторые ведь почему-то его - черного груздя - не берут - брезгают. Полагают, что всю его черноту соскоблить надобно. А это вовсе и ни к чему. Три дня в трех водах каждодневно (лучше всего в колодезной либо в ключевой) замочил, слил - и прошу вас, милые груздочки, к засолочке. Я, к примеру, люблю чуть-чуть с пересолом - сохранить легче. Из специев предпочитаю лист хрена снизу и сверху (крепость придадут), несколько долек чеснока на дно и вперемешку - для скусу - и для того же самого пару-тройку стебельков укропчику. Можно для аромату немного листиков смородины, вишни, кстати, дубовый лист тоже крепость дает. А в засоле черные грузди становятся фиолетовыми, на вид приятными. Правда, на свету они снова чернеют, дак ведь в грибе главное не цвет, а вкус.

К примеру, дружок мой называет мои соленые черные груздочки - волчи перескачки, а веришь-нет, когда ко мне придет, то из закусок только их и предпочитает - вот тебе и волчи перескачки. Да другой раз еще и попросит - "добавь-ка перескачек-то, уж больно скусны". Мне что? Ешь - не жалко. У меня их сей год, к примеру, шесть ведер насолено было. Не жалко.

Да что это я тебе все о еде да о еде. Я ж тебя на груздевые места повел. Вот щас шаг шагнем - там и будем. Вишь, как близехонько. Немного в сторону и пойдут они, черные грузди. Растет здесь, примечай, вперемешку березняк с ельником, как попадет еловая куртинка, смотри внимательно. Любят они и в чистом молодом березнячке обраться. Да, слышь-ко, в корзинку-то гриб класть не спеши - на вид вроде бы здоровый, а ты его - сердешного, разрежь, глянь, чернота. Такой не бери. Не торопись... Нам тут черных груздей хватит и останется. Коли их много, я, к примеру, беру только махонькие, ядреные - их и червь не успел поесть и для еды приятно такой грибок на вилочку подцепить.

Ну вот по корзинке наберем, спрячем их в укромном, для нас приметном местечке и, благословясь, за вторые примемся. А промеж тем расскажу о моем любимом блюде из черных груздей. Для приготовления незатейливое, а по скусу отменное. Грибочки промоешь (лишнюю соль снимет), порежь, я предпочитаю на длинные кусочки, перемешай с порезаной вареной картошкой, добавь яйца вкрутую да все-

непрерывно добавь луку репчатого, покрошенного, все еще раз перемешай и сдобри маслицем подсолнечным либо другим постным. Отличная закуска, скажу тебе. Конечно, в пост яйца ложить нельзя, но и без них еда отменная. Не веришь - проверишь, врать не обучен.

Ну, что? Домой пора! Я тебе по дороге, слышь-ко, еще какую-нибудь грибную историю расскажу. Потопано-полопано за грибами, историй этих у меня в грибном лукошке меряно - не считано. Слушай да на ус, как старики говорят, наматывай. Пригодится. Другим ребятам передашь. Не век же дедке Грише земельку топтать. Глядишь, его грибная наука кому-то и сгодится. Чему и рад несказанно буду.

* * *

И мы неспешно, под размеренный говор моего спутника, зашагали к дому, перекинув полные корзинки с грибами через плечо. Я слушал очередную историю дедки Гриши и в который раз ловил себя на мысли, что надо эти незатейливые истории все-таки изложить на бумаге, чтобы сохранить их для себя, для родных и близких, для знакомых да и вообще для людей. Ведь, пока живем - не замечаем, а потом ищем и зачастую безвозвратно теряем.

*г. Бабаево, с. Борисово,
1991-1999 г.г.*

Часть II.
Охотничьи
зарисовки

«Охотничьи зарисовки» написаны мною в разное время, исходя из личных наблюдений и рассказов товарища по охоте, отличного знатока природы, прекрасного охотника, причем почти во всех ее проявлениях - Владимира Михайловича Блохина.

Втянула же, можно сказать, меня в охоту Вера Антоновна Смирнова, когда я был директором Борисовской средней школы, и где она в то время руководила кружком «Юный охотник». Мой бывший учитель и классный руководитель В.А. Смирнова помогла мне в 1971 году сдать охотминимум, из под ее англо-русского гончака Гая был добыт мною и первый зайчишка.

Чарующие прелести глухариной охоты впервые раскрыл мне Володя Кожевников, с которым мы провели вместе не одну ночь на глухарином току и отмеряли не один десяток километров по чернотропу, поляка зайчишек.

Лосиные рога, что украшают прихожую моей квартиры, добыты с номера, на который меня поставил Александр Александрович Шорохов, а напарниками по той памятной охоте были А.В. Саблин, В.Г. Гринев, Н.А. Туманов. Не одна охота и не одна рыбалка были проведены и вместе с Евгением Григорьевичем Евтеевым. До сих пор не могу забыть его гончака «Бродило» - это был «профессор», не боюсь так сказать, своего дела.

Не забыть мне и моих медвежьих историй, где я вдоволь насмотрелся, под руководством В.М. Блохина, на этих бурых, порой, седоватых красавцев, хотя и ни одного из них так и не добыл.

В этой главе напечатана только часть того, что написано мною как «охотничьи зарисовки» и пережито на самом деле.

Первый зайчишка

К охоте меня приучил дружок Володька - заядлый "зайчатник" и любитель охоты на току. А случилось это так. Пошел как-то в чулан - то ли топор, то ли ножовка потребовалась - запомнил уже. Ну и он - от нечего делать со мной. Вдруг слышу: "Ух ты, чье это?" Оглянулся на Володьку - глаза у него прям-таки блестят, в руках ружье вертит. Отвечаю ему:

- Это мне от тестя досталось. В позапрошлом году привез да тут и бросил в чехле, не разбирая.

- Да ему же цены нет, балда! Это же "Зауэр". Ты что с ним сделал, паразит?! Грязи-то, грязи. Да и ржа уже пошла, - скороговоркой затараторил Володька, заглядывая в стволы. - Ну ничего, дай-ка мне его на вечерок - заблестит, как новенькое.

На следующий день, а дело было в начале октября, дружок принес ружье - оно действительно выглядело по-новому: стволы притягивали вороненой чернью, затвор был, оказывается, украшен за-тейливой резьбой, на прикладе матово проглядывал рисунок какого-то благородного дерева. В собранном и начищенном виде "Зауэр" выглядел изящно, так и захотелось взять его в руки.

- Вот что, дружище. Завтра выходной. Я с Гаем собираюсь за зайчишками. Пойдем-ка вместе. Если и не выпадет тебе удача, так хоть зверья лесного насмотришься да музыки собачьего гона послушаешься. Поверь, это поэзия не хуже есенинской, а не только добыча куска мяса. Хотя последнее тоже при нашей жизни не мешает.

Утром следующего дня, еще по сумеркам, мы держали путь к Курьяновскому лесу. Гай, с шумом втягивая воздух, нетерпеливо рвался вперед. Низко опуская голову, он порой укоризненно оглядывался на хозяина, словно хотел сказать: "Ну что же ты, столько заманчивых запахов - и не пускаешь". Затем снова с силой натягивал поводок, заставляя нас ускорять шаг.

Володька тем временем инструктировал меня: как ружье заряжать, как прицеливаться, брать упреждение, стоять на номере или пошумливать, идя по лесу, чтобы выгнать с лежки "косога". Наговорил он еще такую кучу охотничьих премудростей, что я с ходу и не запомнил, а усвоил уже после, по мере наших, ставших впоследствии частыми, выходов в "поле".

Тем временем стало светлее, мы дошли до свежих делянок, на которых колхозники заготавливали дрова, и где были кучами навале-ны березовые и осиновые ветки.

- Вот отсюда и начнем, - проговорил Володька, отпуская нас свободу собаку. Гай резко закружил по делянке, помахивая хвостом.

Проверил все ветвяные завалы, заскочил в лес, покрутился там и скоро снова выскочил, виновато поглядывая на нас.

- Ну-к, что ж. На нет и суда нет, - проворчал мой приятель. – Пошли по этой дороге к ручью, а там к Косому полю, оно озимью занято – непременно зайца поднимем.

У края поля, зеленевшего свежими всходами ржи, собака вдруг по-особому замахала хвостом, вся напружинилась, как-то даже вытянулась.

- Взял след, взял - почему-то шепотом произнес Володька. – Беги и стань вон у той березы. С голосом пойдет – гляди в оба. А я у того края буду -- там извечный переход.

Встав на указанное место, я прислушался. Стояло тихое погожее утро. Начинал подниматься легкий туман, даль подернулась прозрачной дымкой. Издалека послышался гогот гусей, и они низко пролетели надо мной. Я даже как-то забыл – зачем я здесь. Все было так размеренно и спокойно.

Неожиданный голос Гая прервал мое полуотрешенное от мира сего состояние. Он был то с повизгом, то мощно басил, то переходил почти на скуление: словно не одна, а две собаки вели гон. Даже подумалось: откуда же еще одна собака взялась. Но тут справа что-то промелькнуло, я повернул голову – заяц бело-серым комочком стремительно удалялся от меня по полю. Вскоре за ним размашисто вылетел Гай. Все это было для меня столь неожиданно и ошеломительно, что про ружье я вспомнил, когда заяц, а за ним и Гай скрылись в лесу.

Через минуту подбежал Володька:

- Раззява, отпустил добычу, ведь прямо на тебя вылетел. Ну ничего, может, на втором круге возьмем, стой здесь да рот больше не ширь. А я на перехват попробую – есть здесь одна визирка. Да не забудь чему учил-то, балда.

Лай собаки стал стихать, скоро совсем сошел на нет, потом появился вновь, еле слышимый. Я повернулся лицом к месту, откуда выскочил заяц, стал внимательно прислушиваться, не отвлекаясь на посторонние звуки. Гон тем временем стал заворачивать снова на меня, что чувствовалось по отдаче голоса Гаем, в котором по-прежнему звучала завораживающая страсть. Мое напряженное состояние прервал выстрел, но взбрехи собаки не прекратились. Гон шел прямо на меня. Я снова приготовился и тут опять внезапно увидел зайца, сидящего на опушке леса и быстро прядяющего ушами. Вскинул ружье, почти не целясь нажал на спуск. Выстрела нет. Жму сильнее, результат тот же. Эхх!!! Курки не взведены. Скорее, скорее. Снова вскинул ружье. Но, что такое?! Где же заяц? Да вот же – бежит от меня по полю. Навскидку выпалил дуплетом. Косой странно подпрыгнул, упал, дернулся и неподвижно затих. Все произошло так быстро, так

неожиданно, что я остолбенело стоял и смотрел на лежащего зайца, пока Гай с ревом не подбежал к нему. Ткнув его пару раз мордой, как бы приглашая продолжить стремительную гонку, собака отошла в сторону, и в ее взгляде мне почему-то почудилась одобрительная искорка...

- Ну, молодец! С полем тебя. А я промазил, - прервал мое оцепенение подбежавший друг и шутливо продолжил: - С тебя теперь причитается. Как-никак первая охота и такая удачная. Пока ты, конечно, не охотник, но боевое крещение прошел – в ряды «зайчатников» принимаем. А Гаю, как и положено, награда.

И Володька, коротко рубанув ножом, бросил «пазанки» собаке.

Много чего было потом, после этой, первой моей охоты: и неудачи, и пустые выходы, и промахи, и казусы разные приключались; были и успехи, и не единожды. Но день первого выхода на охоту запал мне в душу навсегда, полюбилась и необыкновенная красота охоты с гончей собакой.

*с. Борисово,
1991 г.*

Песной великан

Лось дремал, подобрав под себя ноги, слегка на боку и свесив голову чуть ли не до земли. Могучее тело уже с серебристым отливом требовало отдыха после долгого и утомительного перехода. Его заставило прийти сюда предчувствие приближающегося снегопада. Место было знакомое и заветное еще с тех времен, когда мать вместе с ним, отбившись от стада, пришла в эту впадину, спасая больше свое дитя, чем себя, от серых четвероногих разбойников. Здесь было спокойно, тепло. Все усиливающийся ветер не проникал в низинку, и в то же время все звуки были отчетливо слышны. Никто не мог подойти близко неслышанным, будь то серые быстرونogie враги или двуногие, резко пахнущие существа с их твякающими помощниками.

Много раз спасала его эта ложбинка. Голод он уже утопил. Теперь надо отдохнуть. Набраться сил. Скоро, очень скоро (он чувствовал это) пойдет снег, все вокруг станет белым-бело. Белые хлопья закроют тело, и только торчащие уши будут четко охранять его дремоту. Ближе к сумеркам он встанет, круто выгнет спину, натуженно потянется, разомнет занемевшее тело и примется за вечернюю кормежку. Молодых ивовых побегов вокруг было вдоволь. Белая пелена позволит ему спокойно провести здесь не один день. Он явственно ощущал свою мощь. Рога, огромной короной вершившие его вытянутую губастую голову, крепко держались. Еще можно будет сшибиться

в последний раз в этом сезоне с соперниками, порезвиться с молодыми лосихами.

А пока он дремал, методично вскидывая голову, прядая длинными ушами в разные стороны и беспрерывно перетирая жвачку, затем снова ронял морду почти до земли.

Все было спокойно. Ничто и никто не нарушал его отдых. Видел он плоховато, чутье тоже не всегда своевременно сообщало о приближающейся опасности. Уши – его главное спасение сейчас. Они воспринимали все звуки на большом расстоянии.

Вот справа что-то зашуршало, захлопало и, четкая дробь понеслась по-над лесом. Опасности не было. Это красногрудый летун долбит себе деревья – то ли для забавы, то ли еще для чего - лось не знал. Ветер посвистывал, мешал слушать, но лесной великан умел отличать нужные звуки от напевов ветра. Вдруг еле слышно прошуршало и стихло... И вот уже все слышнее, все ближе... Вот он... Белый клубок стремительно взлетел на пригорок... Сам по себе он в такое время не выбежит... Ведь кругом пока черным-черно, кто же будет выставлять себя на показ в таком случае - инстинкт никому не возволит это сделать. Значит, кто-то спугнул. Кто?.. Чу!!! Так и есть! Кто-то идет. Вот и эта разноцветная трещуха зашлась во все горло.

Лось вскочил на ноги. Напружинился. Голова его заходила во все стороны. Уши четко засекали знакомые звуки – они несли с собой опасность. Сразу же заныло в холке. Его подсознание высветило резкий, громовой звук, падающую мать. Он как будто снова видел, как двуногие что-то делали с его матерью. Вспомнил, как отбегал, кружил вокруг... И... Его словно вновь ожгла резкая боль по хребту и лишь алые брусничины не брызгали, как тогда, в разные стороны с его спины.

Это опасность! Большая опасность! Это страшнее серых четвероногих, хотя сталкиваться с ними приходится чаще. Теперь его главное оружие и защита – ноги и та коварная болотина, через которую он поведет свой стремительный бег. Жаль, что не пришлось отдохнуть как следует, но сил у него хватит. Он вернется сюда, непременно вернется. Только бы хватило времени. Хватит ли? Должно хватить. Он еще могуч и силен, он еще не один раз спасет себя. Он еще померяется силами со своими соперниками. Он еще порезвится с лосихами. Его время еще не вышло...

*г. Бабаево,
1991 г.*

Гимн природе

Каждый год весной у охотников наступает особый, праздничный день: возможность встречи с таинственным ритуалом, повторяющимся уже тысячи лет, - Глухариной Песней. Ее – эту песню, не побоюсь сказать, можно назвать Гимном Природы.

Приготовлены патроны, проверено ружье, после многочисленных прикидок выбрано место, куда с хорошим напарником или несколькими друзьями решено выехать. Словом, многие заботы позади, однако все волнения еще впереди. Впереди радость удачи или пустой ягдташ, но обязательно хорошее бодрое настроение, вызванное очередной встречей с Природой, с ее чарующей красотой, магическим воздействием на человека.

Страсть ружейного охотника, конечно, сродни и другим страстям людей, но есть в ней свое неповторимое и только ей присущее. Дымок костра перед выходом на глухариный или тереревиный ток. Искры, веселыми змейками улетающие в черную темень ночи. Первое раннее курлыканье проснувшихся журавлей, волнующие призывы вальдшнепов на утренней тяге. И, наконец, сам выход на глухариный ток. На то место, где вчера был на подслухе и под учащающееся биение сердца определял направление и приблизительное расстояние до места посадки лесного красавца-глухаря. Кто пережил этот волнующий момент, тот никогда не забудет эти, словно пушечные выстрелы, звуки хлопанья крыльев могучей птицы при ее посадке на дерево.

Однако, тихо... Да, это первое колено глухариной любовно-призывной песни. Первый сигнал противнику. Это – как короткий чокающий удар по пустому спичечному коробку. Чо-о-о-к. С замиранием сердца ждешь повторения. Молчаливо молишь глухаря продолжить, начать снова. Есть! Повторил! Опять! Снова! И вот уже за первыми чокающими ударами понеслось ускоряющееся чок-чек-чек-чек. Чок-чек-чек-чек. Но это еще не все. Нет пока главного для охотника – третьего колена песни – точения, шипения, скрежетания, чичиврякания. Словами передать это очень трудно – просто надо самому послушать. Тогда поймешь. Тогда глухариная песня войдет в твою душу, навсегда привяжет к таинствам Природы.

Но чу... Вот она... Полная песня глухаря. Пропел! Чо-о-о-к, чок, чек, чек, чек, чишичичичичиши. Замолк. Прислушивается. Повторил песню снова. Еще раз. И еще раз. И вот уже вошедший в азарт мошник-великан поет-точит непрерывно. Он словно говорит сопернику: «Вот он, я. Приди ко мне, и мы сразимся за наше птичье счастье провести свадебный пир. Она здесь, рядом наша подруга – мощная

тетера. Мы оба слышим ее призывное коо-ко-ко. Но она ждет одного из нас. И им буду я. Слышишь, мой соперник. Где ты, отзовись. Наш поединок будет честным, но один из нас уйдет отсюда. Таков закон Природы».

Чо-о-о-к, чок, чек, чек, чек, чишичичичиши... - вновь и вновь слышится из кроны раскидистой сосны. Охотник замер, очарованный такой знакомой и такой каждый раз неповторимой мелодией лесного отшельника. Но вот он вострепнулся, сделал первый прыжок под третье колено глухариной песни, остановился, перевел дух, снова прыжок. И так шаг за шагом, под третье колено, все ближе и ближе, ближе – под выстрел.

И порой наступает печально-радостный финал встречи человека с птицей-реликтом. После чего настоящий охотник всегда просит прощения у поверженной птицы. Это тоже своеобразный ритуал неповторимости встречи человека с таинством Природы.

А глухарь поет, поет уже сотни, а может быть, и тысячи лет. И не охотник будет виной тому, если вдруг эта удивительная птица исчезнет. Истинный охотник никогда не истребит ток полностью, он всегда думает о завтрашнем дне, о сохранении Природы, частью которой он является и сам.

*с. Борисово,
1993 г.*

Зимним днем

С товарищем по охоте В.М. Блохиным

Тишина... Сегодня – не звенящая, чистая, а глухая, шуршащая, ватная... Снегу в лесу навалило много – без лыж уже не пройти. Всю неделю и особенно последнюю ночь снег шел густо, большими пушистыми хлопьями. Ветки деревьев, кустов и высокая прошлогодняя трава облеплены толстым его слоем. Ненаро-

ком заденешь ветку – б-р-р-р – всего обвалит, за шиворот наберется, за пазуху. Холодит, покалывает ледяными иголочками. И уже хочется специально стукнуть по стволу – повеселиться, набраться бодрости.

Но вот уже стоять стало холодно. Мороз начинает пощипывать кончики ушей, носа, добираться до пальцев рук и ног, хотя надеты меховые рукавицы и валенки. Переминаешься с ноги на ногу – хочется еще послушать лес: тишину, шорохи, тайные «разговоры» таежных обитателей.

Но – чу! Что-то хлопнуло раз, второй, затем – глухой сплошной шум, и через минуту-другую из-за опушки вывалилась тетеревиная стая. Нарушил кто-то их сонный покой. Может быть зверь? А может, и охотник. Отлетели чуть-чуть и так же с шумом расселись на макушках берез, стряхнув с них снежный покров.

И снова тихо. Снова начинает что-то чудиться в заворазивающей немоте. А мороз крепчает. Стоять уже немогуту.

Лыжи шуршат, приглушая другие звуки. Вокруг – словно белая чистая страница. Вчера она была исчерчена причудливыми знаками, по которым можно было читать интересные лесные были. Сегодня все стерто летописцем – Природой. Не любит она долго выставлять на обозрение свои тайны. Посвящает в них только не засиживающихся в домашнем тепле, открывается тем, кто хочет познать их.

Вот здесь вчера вылетел прямо на меня крупный заяц-беляк. Вылетел и, тормознув лапами, немного ошалев, сиганул через тропу. Исчез в густом ельнике – как и не бывало его. Остался только автограф на снегу – читай, кто желает и умеет.

... Справа вдруг ухнуло, словно большая глыба упала на твердь. Это выстрел. Охотник тревожит тишину. А лыжи пошаркивают дальше. Скоро делянка – конец моего маршрута. Дойду, полюбуюсь на белое безмолвие и домой, набравшись бодрости на предстоящую неделю.

Неожиданно опять тишина нарушена. Из-за припорошенных кустов справа вырвалась лосиха и, чуть-чуть сдав в сторону, могучим прыжком буквально пролетела передо мной метрах в тридцати. Потом, словно почуяв, что опасности нет, спокойно, величаво пробежала краем леса и исчезла.

Но что это? Снова и опять справа мелькнула тень – только шумный треск сопровождал ее. След прояснил: второй зверь – лосенок – круто развернувшись, галопом умчался вдоль другого края делянки, сбивая на ходу снег с густой поросли молодого подростка...

Постоял. Отошел от нахлынувших волнений и, развернув лыжи, тронулся в обратный путь. Пора домой. До свидания, лес. Скоро обязательно и снова свидимся.

*г. Бабаево,
1995 г.*

Часть III.
Рыбацкие байки

Первую рыбку – сорожку – я поймал возле моста через р. Суды в с. Борисово в возрасте 10 лет. Но увлечение рыбной ловлей пришло значительно позднее. Меня как-то пригласил

С коллегами на рыбалке

на рыбалку учитель истории Борисовской средней школы Виктор Иванович Цветков и, как помнится, мы с ним поймали на озере Белом (что расположено возле д. Межерье) более чем по 100 окуней каждый. После этого рыбная страсть уже не покидала мою душу. Более того, пока работал в с. Борисово, у нас в школе все мужчины-учителя (около 10 человек) ежегодно выезжали на традиционную рыбную ловлю по окончании учебных занятий в конце мая-начале июня. Мы для этого даже все сшили специальную форму.

Многие премудрости рыбной ловли удалось узнать от ученика школы в то время – Смирнова Николая. Бывало, после окончания учебного дня мы одевали с ним сапоги-бродни и со спиннингами отмахивали до десятка и более километров по берегу реки Суды. Отец Николая – Николай Михайлович Смирнов, как мне думается и сегодня, был самым искусным рыбаком из всех, кого я знал. Некоторые рыбацкие премудрости раскрыл мне и Гена Кукоев.

Часто в годы работы в с. Борисово рыбачили вместе с двоюродным братом Юлием Александровичем Голубцовым, под руководством которого пройдено было более 800 километров пеших туристических маршрутов – вдоль почти всей реки Суды, от Борисова до Белозерска, от Бабаева до Устюжны и от Рыбинска до Ярославля.

Несколько позднее пришло увлечение зимней рыбалкой. Началось это после поездки с Витей Семеновым (теперь уже Виктором Павловичем) на Пягозеро где-то в начале апреля в конце 70-х годов, а

скоро от зимних поплавочных удочек мы перешли и к мормышкам.

Всегда с большой благодарностью вспоминаю совместные выезды и выходы на рыбалку с В.А. Смирновой, И.И. Зажигиным, Е.Г. Евтеевым, М.П. Комлевым, Н.Н. Кудровым, Ю.С. Соколовым, А.Г. Ананьевым, В.Г. Гриневым, Е.С. Огарковым, В.И. Мироновым, Ю.И. Королевым, Н.В. Басниковым, В.М. Блохиным, Г.М. Жильченковым, В.А. Обуховым, Е.В. Смирновым, В.А. Каревым, Ю.В. Тумановым, В.Н. Прохоровым, Л.П. Семеновым, А.М. Старостиним и многими другими соучастниками рыбной ловли.

Бабаевская земля очень щедра на искусных и увлеченных рыбаков-любителей, но особое уважение с моей стороны всегда вызывало знание и умение рыбачить велсов, проживающих в Куйском сельсовете, В.И. Бойцева, А.И. Ратникова, В.П. Смирнова и многих других.

Пусть же «рыбацкие байки» будут благодарной памятью всем, с кем мне пришлось вместе ловить рыбу и хлебать уху из рыбацкого котелка.

«Сидим в тебе какой-то чертушка...»

Кто ездил на рыбалку по нашим северным дорогам весной, в распутицу – знает, что это такое. Ведь сколько раз зарекался – все, в последний раз. Чтобы в такое месиво да по такой «фронтальной дороге», по «тещиным ребрам» да за сто верст киселя хлебать – извини подвисься – не зовите, не поеду, ближе места не хуже есть. Ан нет. Опять кидает в кузове самосвала от борта к борту, аж зубы щелкают. Это ведь про нас, рыбаков-любителей, шутят: «На одном конце уды червячок, на другом – чудачок». Ну и пусть зубоскалят. Это те, кто привык дома на печи пузо греть да жир копить, кто не знает, что это такое – упругость удилища, когда хороший язь лесу водит из стороны в сторону. А уха на берегу реки или озера! Разве дома она такая?! Не зря говорят: настоящая уха в той воде варится, в которой рыба до этого плавала. Так-то вот, уважаемые домоседы.

Да что вы вообще-то знаете, например, про утро раннее, когда густой туман молочный – хоть ножом режь – начинает постепенно, как-то незаметно растворяться. Появляются очертания противоположного берега, становится виден заброшенный поплавок. А то неожиданно невесть откуда взявшийся ветер рвет туман на клочья и гонит их вдоль реки или по озеру невесть куда. Мелкая рябь побежит

по водной глади. Поплавок задрожит, закивает яркоокрашенной вершинкой, дернется раз, другой и... вдруг важно такуляжется плашмя на воде. Полежит, полежит и пойдет тихо по кругу – лещь взял. Не торопись, сдерживай себя. А руки уже сами по себе дрожат, дыхание учащается, сердце начинает, как тебе кажется, громко стучать, вот-вот выскочит из груди. Рано еще, ра-а-но. А вот теперь не зевай – поплавок резко пошел в сторону и вглубь... Подсекай... Да не рви, не рви резко, через себя, как делают новички, губу рыбе оборвешь, особенно если она большая, – уйдет добыча.

Выбирай его наверх, дай глотнуть воздуха да слабины при этом не давай. Вот теперь тяни по воде, как блин, сам в руки пойдет. С подсачком, конечно, дело ловчее, а вот без него не всякий сможет – это уже ас-рыболов. Есть у нас такие. Из лужи, как бывало шутят сами же рыбаки, рыбину достанет.

А вечером? На озере, когда к стану возвращаешься! Сумерничалось, а ночь все равно уже светлая, да если еще и луна полная. Только Куинджи и мог это выразить на полотне. Написать о таком почти невозможно. Лунная дорожка рассыпается на тысячи бликов, все сливается в какую-то фантастическую картину, теряется ощущение времени, звуки приближаются, оглушают, а костер на берегу наоборот кажется таким далеким, дым его напоминает сказочных чудовищ. Чувствуешь себя слившимся с природой, ее частицей. На душе становится легко и радостно. Да где же еще, как ни на реке или озере можно испытать такое.

Много можно рассказать о рыбаках и рыбалке. Воистину сказано: рыбалка да охота пуще неволи. Это своеобразная болезнь. Сидит в тебе какой-то чертушка и покою не дает, все напевает – скоро выходной, пора снасть готовить да наживку искать. Хотя у хорошего рыбака всегда все наготове. Но ведь какое удовольствие составляет еще раз все посмотреть, проверить, исправить, а то и что-то новенькое изладить. А уж разговоров-то об этом у костра – это самому надо видеть и слышать.

Вот, кажется, и подъезжаем уже. Куда податься-то сегодня? На Попову яму или, может быть, на Каменный плес? Мужики баяли, в прошлый выходной на Ворбуйской заводи плотва да елец – снимать не успевали, а то еще на Судаковском перекате можно попробовать. Однако, не первый раз – найдется местечко, есть облюбованные места – без рыбы не вернемся. А если и без хорошего улова, то бодрости, здоровья да настроения обязательно добавится...

*г. Бабаево,
1991 г.*

Рыбацкие байки

Костер потрескивал. Искры веселыми змейками взлетали и, бледнея, незаметно гасли где-то вверху. Разговор после наваристой ухи и крепкого чая, сдобренных порцией «горячительного», оживился. Байки сменяли одна другую. Рассказчики с нетерпением ожидали своей очереди – поделиться с товарищами случаями из рыбацкой жизни. Незаметно разговор пошел вокруг одной темы – от чего зависит успех в ловле: от умения, смекалки, навыков, от погоды, места, наживки, снасти или просто от каких-либо необычных обстоятельств.

Долго молчавший, уже в возрасте, с сединой в висках, но на вид крепкий и коренастый рыбак вдруг улыбнулся, как-то, вроде бы, про себя, видимо, вспомнив что-то курьезное или приятное из своего прошлого, и сразу ладонью стер улыбку с лица. Быстро оглядел соседей – не заметил ли кто. Однако это не ускользнуло от внимания разбитного паренька, сидевшего рядом. Он сразу же встрепенулся и толкнул соседа в бок.

- Что, дядь Миша, смешинка в рот попала? Уж не таи, коли так, расскажи нам.

- Да ладно тебе, пустомеля. Это ты мастак языком трепать, ты и рассказывай.

- Мне что, язык без костей, от разговору не сломится. А вот сколько с тобой не езжу, никогда ты своих секретов не выдашь. А корзина всегда полна рыбы. Ох жаден ты, дядь Миша, на советы, ох жаден!

Дядя Миша крякнул, махнув рукой, словно отгоняя муху. Видно парень донял его.

- Ладно.

Помолчал немного. Пошевелил костер палкой, сделал пламя поярче.

- Вспомнилась мне, ребята, одна история давняя. Рыбак я тогда - уже не новичок был. Знал, какую, где, как наживку достать и приготовить. Снасти уже были, можно сказать, не казенные. Жилка, само собой, покупная, а остальное своими руками излажено. Отмеряно и проверено.

Поехал я, значит, на речку Иводу. До этого не бывал там ни разу, а слыхать – слыхал, что рыбная очень она. Всякая рыба есть. И лещь, и язь, и щуки здоровые, а уж про сорожку, окуней и прочую мелочь и говорить нечего. Добрался к вечерней заре, путь-то не близкий, почитай более ста верст на мотоцикле отмахал. Кое-как натаскал на ущицу, костерок изладил, перекимарил, как говорится, ночь. Вся надежда теперь на утро. Местечко приметил, по всему виду клевое,

подкормки с вечера подбросил. Утренний клев – он самый верный. По себе знаете. Но клева и утром настоящего не было. Так, мелкота одна. Вот вам и речка рыбная. Такую дорогу заломал. Слышу вдруг – мотоцикл стрекочет. Чувствую, в мою сторону правит. И верно. Подъехал паренек. Пожалуй, мой одногодок. Подошел, поздоровался. Как, спрашивает, рыбалка? Э-э-э, говорю, домой пора, видишь, солнышко почти на полудне, а в пестере и дна не скрыло. Не будет клева нынче. А он мне: «Это мы сейчас проверим».

Неспеша так отвязал удочку, размотал ее, отошел к повороту – струя там круто била в берег. Закинул наживку. Довел поплавок до куста, забросил снова. Ну, думаю, бросай, бросай – пока поймаешь, руки-то наломаешь себе. Да-а-а, ребята! Не успел и подумать, как поплавок у него у берега раз, и нету. Подсек он и давай вываживать. Чувствую – крупную взял. Даже у меня все внутри ходуном заходило. Это, я вам скажу, был язь так язь. Тогда я впервые такого воочию увидел. И взял он его у берега очень даже просто. Ногой прижал, левой рукой под жабры - и в корзину. Ну, килограмма два был язь, не меньше.

И ведь – это, пожалуй, не диво, а вот что дальше было – не поверите. Он таким манером еще несколько штук взял, и все один к одному, как отмеряны. Слушай, не выдержал я, что за секрет у тебя – скажи.

Смеется. Весело так зубы скалит. Чтоб ему... Секрет, отвечает, простой: ты приезжий, а я – тутошний. Меня вся рыба знает, а тебе еще познакомиться с ней надо. С тем и уехал.

Это уж потом до меня дошло – струя берег подмыла, язи там и хоронились в солнечный день. Да и корма в этой ямке тоже задерживалось достаточно. Вот такая, робя, история со мной была когда-то. Ее я и вспомнил. Так что от чего зависит порой рыбалка – сами теперь смекайте.

Дядя Миша снова поворошил костер, но разговор после этого как-то сам собой сошел на нет. Все стали устраиваться на ночлег, предвкушая хороший утренний клев.

*с. Борисово,
1992 г.*